

собственной жизни. Перед кончиной в 1928 г. старец Нектарий благословил духовную дочь никогда не забывать Оптину. И в конце 1920-х гг. Павлович спасала библиотеку и рукописный архив Оптиной пустыни, вывезя ценнейшие материалы в Государственную библиотеку им. В. И. Ленина. Благодаря ее усилиям Оптина пустынь получила статус памятника культуры.

В 1923 г. Павлович выпустила поэтический сборник «Золотые ворота». Название сборника, возможно, напоминает о Золотых воротах в Иерусалиме, где встретились Иоаким и Анна, родители Девы Марии. К тому же золото в христианском искусстве является образом Божественного света. И хотя большая часть этого сборника посвящена Блоку, церковные мотивы, звучащие в нем, следует воспринимать как развитие сюжета жизни автора, самой Надежды Павлович. Она — автор воспоминаний «Оптина пустынь. Почему туда ездили великие?», поэмы «Оптина» (1930-е), стихотворений «Оптина», «Старцу Нектарию Оптинскому» (1930-е). Испытав в юности душевную смуту, увлечение антропософией, она пришла к Православной церкви и стала глубоко верующим человеком. Публикуемая ниже поэма «Серафим» отразила те колебания и сомнения, которые были присущи Надежде Павлович в юности.

Надежда Павлович

СЕРАФИМ

Поэма

Посвящается Михаилу Герасимову.

Часть I

1

В просторах русских клубится прах,
Гуляет ветер в пустых полях,
С нависших облак струится мгла,
Полынь на пашне проросла.
Лишь ближней церкви горящий крест
Над гиблым маревом родимых мест,
Да колокольный стон и звон
Над визгом вихрей вознесен.

К Саровской пустыни дороги нет,
Заваял ветер последний свет,
Закрыты храмы на замок,
На белой паперти пророс цветок,
Цветок свечою встал восковой
Под смутный шопот смиренных хвой,
А лес, как инок, в тиши кадит
На древний камень надгробных плит.

2

— О, монахи жили сыто,
Знаем их мы нищету,
Чай, давно казна зарыта
В месте верном, во скиту!
Собирайтесь-ка, ребята,
Во святой Саров,
Много серебра да злата
У смиренных чернецов!
Как собрались тут ребята,
Гольтьба села,
Грозовая туча в небе,
В небе хмуром залегла,
То ли голос слышен Божий
Среди вихрей и громов,
То ли ветер завывает
Средь нахмуренных дубров.

3

И вот тропой забытой
Идут они в Саров;
Овраг лежит размытый,
И вихрь ревет сердитый
Среди лесных бугров.
— Не трусьте же, товарищи,
Не трусь же, гольтьба,
Такая уж положена
Нам от роду судьба!
Довольно бедовали мы,
Разбой, грабеж, ну, что ж!
Старинным нам сподручником

Кистень в лесу да нож! —
Идут тропами старыми,
Вот белая стена
Упрямыми ударами
Гудит, потрясена.
Вошли, — не перекрестятся,
Вошли они во двор,
Ведет широко лес(т)ница
В замолкнувший собор.

4

И светел, и строг
Святителя гроб,
Под алой парчею
Белый лоб.

5

Входят ребята в пустынный храм;
Шелк паутины висит по углам,
Риз не видать, образница пуста,
Только в окне синева, высота:
— Что призатихли, ребята, не трусь,
Дай до могилки-то я доберусь,
Верно, казну схоронил Серафим,
Сторож нестрашный, молчит, недвижим... —
Хвать за парчу! — распахнулась парча,
В мантии черной недвижны плеча,
В бедной скуфейке смиренный лежит,
Лишь седина серебром просквозит.
— Подымай его, ребята!
Чай, под ним и скрыт клад,
Монастырь-то, верно знаю,
Был и славен, и богат,
Разбежались черноризцы,
Да казны не унесли! —
— Только горсть нашли ребята,
Горсть невидную земли.
Осердившись, снова тело
Зашвырнули в старый гроб,
Небо бурей почернело...

— Эй, товарищи, за дело!
Коли клад пустые бредни,
Отслужу я вам обедню,
Хоть не поп! —
И, кощунствуя беспечно, парень пляшет в алтаре,
— Попируем мы, ребята, на вечерней на заре,
Самогонки причаститься дам я каждому из вас,
И стаканчики, стаканчики с собою я припас! —
И пируют буйно парни,
Церковь старая темна,
За окном нависла туча,
И тревожна, и грозна,
И рокочат многозвучно,
Отдается дальний гром,
И клонятся в страхе сосны
И кусты кругом.
Все притихло, притаилось,
Будто слушает да ждет,
Вдруг сиянием мерцающий
Серафим благословляющий
Из гробницы сам встает.
— Вы, ребята, дети несмышленные,
Вы зачем сюда пришли?
Отдал миру красные иконы я,
Взял себе лишь горсть земли.
Я храню ее, чтоб в царстве Божиим
Не забыть про мать мою, про Русь,
За нее у Божьего подножия,
Неключимый раб, я плачу и молюсь. —

6

Полегли все парни в страхе да в смятеньи,
Лишь Ванюха-коновод стоит
И блаженному виденью
Неотступно говорит:
— Ну, прости, старик, что потревожили,
Думали, казною ты богат,
А у нас — добро мы наше прожили,
Пашни хлеба не родят.
Посмотри, лишь пыль в полях холодная,

Пылью плещет горькая судьба,
Все мы вольница, глухая да безродная,
Пьяная мы голытьба!
Коли свят, иди ты на страдание
Вместе с нами, Серафим,
На разбой, на скитание!
Видишь, Русь в тоске да в содрогании,
Что же здесь лежал ты, недвижим! —
И сияет венчик Серафима
В набежавшей мгле,
И заря над ним неудержимо
Растечется по земле.
Взяв за рученьку Ванюху,
В села пьяные
Старец праведный пошел,
Одевает пелена туманная
Монастырский дол;
Лишь второй цветок на паперти,
Как на Божьей белой скатерти,
Золотой свечей, багряною
Негасимую зацвел.

Часть II

1

В просторах русских спокойный день.
Дрожащим золотом облит плетень,
Дорога лезвием лежит косы,
Дремотным шелестом поют овсы.
Ромашки — звездами средь тихих трав,
Малина сладкая в глуши дубрав,
В густом малиннике девица шьет,
Струятся волосы как дикий мед.
Шелка багряные у тонких рук,
Вдали мерцание речных излук...
На красном знамени горят слова,
Под красным знаменем растет трава,
В шатре малинника девица шьет,
Милого дальнего до ночи ждет.

2

А вдали столбом пожары,
В небо плещет дым,
То пирует Ванька ярый,
Вместе с Ванькой побратим.
Серафим...
Где усадеб белые колонны
Возносились средь садов,
Там до самых облаков
Буйный колокол стозвонный,
Там ватаги молодцов.
Слышен зов:
— Уходите вместе с нами,
Люди добрые, в поля,
Аль не вашими руками
Пораспахана земля.
Мы на пепле, мы на крови
Лучезарный строим дом.
Для своей, для вольной нови
Али силу не найдем!

3

Нитка по алому шелку скользит,
Девичья песня над лесом летит.
— Долго ли ждать? на буланом коне
Скоро ли милый прискачет ко мне.
Знамя готово. Горит бахрома, —
Рожь золотая в твои закрома,
Буквы рассыпались звездным зерном,
Слово пролилось вспененным вином.
Милый пирует иль бьется в бою,
Жду, улыбаюсь, люблю и пою.
День ли проходит — не мерю я дней.
Ночь пролетает — не мерю ночей.
Зреет душа, как малина в глуши,
Милый дождется созревшей души.

4

А на зелени малинника
Возникает светлый лик,

Или шопот смутный стелется
Серебристых павилик,
Или ветер струи синие
Тихой речки разметал
Да рассыпал в смуглой зелени
Ягод розовый коралл.
Старец встал перед Танюшею,
Белый старец в блеске крыл,
Тихий голос ветром ласковым
Прозвенел и просквозил:
Будет радость! Вскоре милого
Повстречаешь снова ты,
Полетят лишь красноперые,
Златотканые листы.
Но иная доля вверена,
Дева, радости твоей,
Ты свою улыбку светлую
В дымы горькие пролей.
И любовь ты и терпение,
Все, чем жизнь твоя полна,
В горне горнего горения
Плавить ты обречена.
Будь же сильной. В даль свободную
Ты милого позови.
Зреет нива всенародная
На любви и на крови.

5

Не летит к голубке голубь,
По зеленой, по весне,
Скачет Ваня нивой голой
На украденном коне,
Ветер плещет невеселый
В опустелой вышине.
Осень бродит в чахлах нивах,
Утирает поздний пот.
Речки синие извивы
Ветер ветлами метет,
Отцветающей крапивы
Стебель сломанный ползет.

Едет Ваня к старой хате,
К серой хате на краю,
Кличет милую свою,
Только зори на закате
Плещут алую струю.
То ли знамя вырастает,
Полу небо обняло,
Парусов румяных стая,
Солнца красное весло,
Иль румянец набегая,
Щеки облил и чело,
Только смутно Ване мнится,
На пороге, на родном,
Не Танюша — Царь девица
Встала, залита огнем,
И поют над косяком
Златоперья синицы...
— Я дождалась. Милый, милый,
Брачный полог наш готов,
Ангел сходит звонкокрылый
От осенях облаков.
Над Россией буйно взмыло
Много пламенных валов.
Знаю, в буре и пожарах
Ты свершал беспутный путь,
Полонил разбойной чарой
Деревень дремавших грудь,
Но не время нам с тобою,
Милый друг мой, отдохнуть.
Ты иди и будь защитой
Разгоревшейся заре,
Встань на страже, мглой повитый,
Там, где плещет вал сердитый
В белопенном серебре.
Я же, друг, уйду в громады
Истомленных городов,
Где трубы фабричной зов
Теплит ранние лампы
Притаившихся домов.
Я несу земную силу

На исколотых руках,
Я далеких полюбила,
Замурованных в стенах...
Ты же станешь, милый, милый,
Перед бурей на часах.

6

И легко пошла Танюша
В невозвратный путь,
За плечами ночь сомкнула
Сумрачную муть,
Буйный ветер заметаёт
Тихие следы,
Под ногами расстилает
Листья лебеды.
А навстречу нестерпимый
И безмерный зов,
Змеи пламенные дыма
Над громадами домов...
Мой любимый, мой любимый,
Брачный полог наш готов.

Часть III

1

Будто гул кочевий дальних
Гулы фабрик над страной,
Словно ветер безначальный
Бредит вольностью степной,
И на синие колени
Преклонившихся небес
В диких взвивах व्योжных пений
Бросил труб горящий лес.
И в павлиньих перьях дыма,
В сонном скрежете станка,
— Чья любовь неутолима
И надежда высока?
Искор золотые пчелы,
Преломленных светов мед,

В ночи облачные мокры
Черной пеной бьет завод.
Звонкий молот наготове,
В горнах пламенных бурун,
И потоком звездной крови
Растекается чугуны.

2

Не поют листья кленовые,
По-над лесом не поют,
Не серебряной подковою
Золотые кони бьют,
То летят приводы струнами
В озаренной вышине,
То, вскипая, петъ бурунами
Сталепламенной волне...
А Танюша тиховейная
Наклонилась над станком,
Липнет кофта бумазейная,
Косы стянуты платком.
И на щеки пыль железная —
Пыль колючая легла...
— Ой, ты небо, синезвездное,
Золотые купола,
Рощ родных благоухание,
Рек серебряный простор.
Но темнит, темнит страдание
Голубой певучий взор.
Но под тонкими руками
Стебли стали проросли,
Зацветают над горнами
Золотые ковыли,
Голубыми кораблями
В дымах думы отошли.
Сад куем мы самоцветный,
Огневой, звенящий сад,
И не будет безответных,
Настороженных оград...
Искрометными венцами
Оселяется чело.

Прокаленными листьями
Сердце сладостно прожгло.
Мы умрем — придут другие
К новозданной красоте...
Пойте, проводы тугие,
Громче пойте в высоте!

3

Не для себя, о Боже,
Растим певучий сад,
Не надо нам небесных
Обещанных наград.
Как дети, не за плату —
Мы строим новый дом,
Палимые крылатым,
Низринутым огнем.
На синих блузах порох
Дымится, искры ждет,
О скоро, скоро, скоро
Орлом взлетит завод.
В полете дымной птицы
Последняя любовь,
И солнцем просочится
Исторгнутая кровь.

4

Высоко взмыло знамя воли
Над черной лентой баррикад,
И стиснула рука до боли
Горячего ружья приклад.
Слушай голос смерти хмурый!
Сталью плещет пулемет.
Ты, товарищ, вырос в буре,
Юный, смелый, так вперед! —
Пушки ухают уныло,
Камень жалко дребежит,
Пуля звонко просквозила
На крылах обид.
Верен будь мечте единой
— Знамя вольности не лжет,

Потерял, товарищ, сына,
Ты в сединах — Так вперед!
Зори золотом повиты,
И заря на камнях плит,
По товарищам убитым
Не отслужим панихид.
Твой жених расстрелян пленный,
В смелом сердце смертный лед,
Будь же верной неизменно,
Девушка, вперед.

5

Танюша знамя держит,
Вздыхает грудь земли,
И солнечные mreжи
По небу залегли.
В победном вихре косы,
Богат у солнца лов,
И в пламени откосы
Подъятых куполов.
И первой в зорях стяга
Идет она вперед...
О, многие здесь лягут
У замкнутых ворот.
Легли, молчат, уснули,
А ветер летит, летит,
А пуль железный улей
Разбуженный гудит.
Не ветви блещут бора
Сентябрьским багрецом,
Пылает буйный город
Взметнувшимся костром...
И там, где в буре площадь,
В порезах где гранит,
Как сосенка средь рощи
Подрублена, лежит
Убитая Танюша
Со знаменем в руках,
Как заревая птица
В распластанных крылах.

6

Не о тебе ль, Танюша,
Печальный плеск речей,
Не для тебя ль, Танюша,
Мерцание свечей?
Не твой ли саван зная,
Расшитое тобой?
Усыпано цветами
Притихшею толпой.
Не ты ль в гробу дубовом,
Звезда на небе лба,
Не о тебе ли плачет
Военная труба?

Часть IV

1

На куртке, на клеенчатой
Соленой влаги след,
Идет корвет знаменчатый,
Алеющий корвет.
Соленый воздух ветер взмел
По низким берегам;
Корвет, корвет, куда ушел,
К каким идешь морям?
По синим придорожиям
Морской лежит туман;
Так правь по воле Божией,
Товарищ капитан!

2

Вот и будем в море синем
Сторожить мы сорок дён,
Петроградские твердыни!
На морском, на синем тыне
И ружья курок взведен.
Англичанин ли проворный
Приплывет издалека,

Хитрый немец ночью черной
Нас обман(ет?) с маяка,
Иль рыбак простой беспечно
Собирает скудный лов,
— Кто идет? — В тумане млечном
Просквозит тревожный зов.
День и ночь стоим на страже,
День и ночь волна кипит;
Отовсюду облик вражий
В очи пристально глядит,
Полосою белой пряжи
Пена пленная летит.
За плечами — Петрограда
Пламенеет звон,
За плечами — баррикада...
Будь на страже! Вся награда —
— Умереть среди знамен.

3

— Страшно, старик, наша доля темна,
Вахта ночная долга и трудна,
Вдруг проглядим, и враги проскользнут! —
Волны морские метутся, поют.
— Страшно, старик, посмотри, в темноте,
Что-то белеет на звездном кресте.
Манит, зовет, но товарищ молчит.
И в темноту буревую глядит.

4

На волне, на запевающей
Звездный крест,
Или в море отражается
Млечный путь,
Словно в зеркале рассыпано
Много звезд,
Словно морю злему хочется
Их стряхнуть.
Над волною ветер носится
Голубой,

И поет, и будто просится
В бой;
Далеко в ночи разносится
Заунывный вой...

5

— Старец, старец, помнишь нивы,
Помнишь зелены,
Парчевые переливы
В белом свете дня.
Золотых колосьев стаи
Тянет к небу рожь,
Брызжет жемчугом и тает
Налетевший дождь.
Там ждала меня красавица,
Там давала мне зарок...
Эх, что помнить! Не убавится
В сердце муки да тревог.
Не со мной, с крестом венчалась!
Не она ль меня зовет! —
Только буря одичала
Волны по морю метет.
— Старец, помнишь в буйных селах
Злые грабежи,
И сожженные усадьбы,
Каленые ножи!
И скажу я без утайки,
Много душ я загубил!...
А над морем выются чайки,
Падают без сил.
— Душегубец я, разбойник, черный вор,
Я над матушкой Россией запалил костер,
Только вижу, занимается заря,
Полыхают алым пламенем моря,
Только роза златотканая,
На багряных, на волнах,
Только радость несказанная
Зажигается в глазах,
Только птицей красноперою
Смерть навстречу мне летит,

Только сердце перед гибелью
Не тоскует, не дрожит...
Вот приспел, идет, подходит
Смертный час!
Коль назвался побратимом,
Серафим,
Помолись ты за разбойников, за нас,
Небесам своим! —

6

Удар, и взрыв, и стон, и крики,
И голубой круговорот,
И будто взвился вихрь великий
И бездну вздыбленную рвет.
И был корвет, и длилась вахта,
И ночь была, и вражий флот,
Но вот зари кровавой плахта
По морю хмурому плывет.
Молчанье пушек златоустых,
В тумане ближняя земля,
Спокойны, холодны и пусты
Морские синие поля.
Лишь вахтенный маячит старый,
На волны ставший Серафим;
Встает заря, горят стожары,
Он недвижим, неколебим.
И стынут облачные рощи
Средь заревых родных полян,
И знамя алое полощет
Прильнувший к берегу туман.